

ДЕДОВА ЛОЖКА

Повесть о казачьем роде

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дедова ложка

<https://litres.ru/74476314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одиннадцатилетний Максимка находит на антресолях шашку прадеда, старую фотографию и деревянную ложку без всяких отметин. А рядом на подоконнике оказывается мальчишка — живой, с Дону, с дудочкой в кармане: «Свистни — и увидишь, откуда ты родом».

Так начинается путь сквозь четыре века: Дон и Ермак, Азовское сидение, Смута, Разин, Полтава, Бородино, Кавказская линия. Максимка проносит в кармане ложку прадеда — и однажды на берегу Дона старик вырезает на ней две буквы. А на Кубани девочка Санька отдаёт ему вторую ложку. Свою.

Дверь в прошлое открывает не вещь. Дверь открывает друг.

Для кого эта книга: для ребят 10–14 лет — и для взрослых, которые в детстве любили книжки про казаков за то, что там всё было ясно. А потом выросли и поняли: ясно не бывает.

Содержание

Глава 1. Мальчик на фотографии	4
Глава 2. Откуда взялись казаки	10
Глава 3. Конь, шашка и товарищ	16
Глава 4. Ермак и Сибирь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дедова ложка

Глава 1. Мальчик на фотографии

— Максимка! Ужинать!

Максимка не отозвался. Он сидел на полу в комнате деда — вернее, в комнате, которая была дедовой, а теперь стала «кабинетом», хотя в кабинете не было ни стола, ни компьютера, а стоял старый сундук, шкаф и кровать с никелированными шариками.

На антресолях Максимка искал мяч. Мяч закатился туда ещё в прошлый вторник, и с тех пор про него все забыли, кроме Максимки. Но вместо мяча он нащупал что-то длинное, завёрнутое в тряпку.

Он стащил находку вниз. Развернул.

Это была шашка.

Настоящая. Тяжёлая. С потемневшей от времени рукояткой, похожей на птичью голову, и с ножнами, обитыми серебряной полоской, на которой стёрлась, но ещё читалась надпись: «Егору Фомичу — за верность».

Максимка даже дышать перестал. Он знал это имя. Егор Фомич — это прадед. Тот самый, с фотографии, которая висела в коридоре: казак с усами, в папахе, с шашкой на боку. Бабушка говорила: «Он с Дона уехал. В Москву. И с тех пор мы — москвичи».

— Мы москвичи, — тихо сказал Максимка шашке. — А он был казак.

Он сунул руку обратно в тряпку — посмотреть, нет ли там ещё чего. И нащупал.

Маленькая. Тёмная. Деревянная.

Ложка.

Странная какая-то — не такая, как у них на кухне. Неглубокая, тёмная от старости, с короткой ручкой. А на ручке, сбоку, криво, будто ножом, нацарапаны две буквы: «Е. Ф.» — прямо по дереву, глубоко, наспех.

Максимка повертел её в руках. Ложка была тёплая — так, будто её только что держали. Он даже на секунду приложил её к уху — и сам над собой усмехнулся: ну и глупость.

— Егор Фомич, — сказал он вслух. — Тоже мне. Егор Фомич и ложка.

Бабушка говорила: прадед ложку эту в зубах держал весь поход. Смеялся — «человек без ложки на войне не человек».

Из-за двери снова донеслось:

— Максимка! Я кому говорю? Каша стынет!

— Иду! — крикнул он, но не сдвинулся с места.

Он смотрел на клинок и вдруг заметил под тряпкой ещё что-то. Маленький тёмный картонный квадратик — старая фотография. На ней был тот же казак, Егор Фомич, только молодой, без усов, и рядом с ним стоял мальчик в рубаше и шароварах. Мальчику было лет девять. Столько же, сколько Максимке.

Максимка вгляделся.

Мальчик как мальчик. Только одежда странная — не по-нашему. И улыбка у него была хитрая, будто он знал что-то, чего не знал фотограф.

— Ты кто такой? — спросил Максимка.

— А ты кто такой? — вдруг ответили сзади.

Максимка подскочил и обернулся.

На подоконнике, свесив ноги в сапожках, сидел мальчишка. В рубахе, в шароварах с лампасами, с чубом, выбившимся из-под фуражки. Точь-в-точь как тот, на фотографии. Только живой. И слегка пыльный, будто только что с дороги.

— Ты... — Максимка попятился и наступил на шашку.

— Ты откуда?

— С Дону, — спокойно сказал мальчишка, будто это был обычный ответ, вроде «из Пятигорска» или «с третьего этажа». — Тимоха. А тебя как?

— Ма... Максим.

— Максимка, значит, — Тимоха кивнул сам себе. — Здорово. А это у тебя откуда? — он кивнул на фотографию в Максимкиной руке.

— Нашёл. На антресолях. Это мой прадед.

— А это? — Тимоха вдруг кивнул на ложку, которую Максимка всё ещё держал в другой руке.

— Тоже нашёл. Там же. Тоже его, наверное. Тут буквы — «Е. Ф.», видишь?

Тимоха прыгнул с подоконника — мягко, как будто прыгнул не с подоконника, а с седла. Подошёл, заглянул в фотографию и вдруг улыбнулся — той самой хитрой улыбкой.

— Ишь ты. Егора Фомича помню. У него ещё шрам на левой руке был, от турецкой сабли.

Максимка заморгал.

— Откуда ты его помнишь? Ему было... — он попытался посчитать в уме и запутался.

— Сто лет, — сказал Тимоха просто.

— Люди столько не живут.

— Люди — не живут, — согласился Тимоха. — А я не совсем чтоб обычно. Я внук деда Тимофея. А дед мой... — он задумался, подбирая слово, — ...нигде не живёт. Он везде. Он мне вот это оставил.

Он вытащил из кармана маленькую деревянную дудочку — тёмную, гладкую, всю покрытую вырезанными узорами. Она была меньше ладони.

— Что это? — спросил Максимка.

— Дудочка. — Тимоха пожал плечами, будто это всё объясняло. — Дед сказал: свистни — и увидишь, откуда ты родом.

— И что, работает?

— А ты как думал? Я ж тут?

Максимка уставился на него.

— погоди. То есть ты хочешь сказать — если я свистну, я увижу...

— Казаков, — сказал Тимоха. — Наших. Тех, что были до тебя. Хочешь?

В коридоре послышались шаги.

— Максимка! — мамин голос уже с ноткой раздражения. — Немедленно за стол!

Максимка оглянулся на дверь. Потом — на шашку в ножнах. На фотографию. На ложку. На мальчишку с дудочкой. На секунду ему стало страшно: а вдруг мама войдёт и спросит «а это кто?», а мальчишка исчезнет, как сон. И тогда всё — каша, уроки, «мы москвичи», и шашка обратно на антресоли.

Он решился.

— Хочу, — сказал Максимка.

Тимоха ухмыльнулся, поднёс дудочку к губам.

— Держись за меня. И ложку прихвати.

— Зачем?

— Затем, что вещь своя на чужой стороне дорогого стоит.

— Тимоха подмигнул. — А в первый раз всех шатает.

Максимка схватился за его рубаху, а ложку зажал в кулаке.

Тимоха свистнул.

Каша в тот вечер всё-таки остыла.

Глава 2. Откуда взялись казаки

Максимку швырнуло так, что он зажмурился и вцепился

в Тимохину рубаху обеими руками.

В ушах засвистело. Не как от дудочки — а как ветер в трубе. Что-то холодное хлестнуло по лицу, потом стало тепло, потом запахло дымом и полынью. И всё стихло.

Максимка открыл глаза.

Они стояли на берегу реки. Широкая, спокойная, она текла куда-то вдаль, к низкому солнцу, и вода в ней была не синяя, а медная, будто в неё налили чая. Ковыль шелестел. Никаких домов, никаких машин — во все стороны только степь, степь и небо.

Максимка обернулся и не увидел ни подъезда, ни балкона, ни дедова сундука.

— Тимоха... — сказал он тихо. — А Москва где?

— Далеко, — Тимоха присел на корточки, сорвал травинку и пожевал. — Лет на пятьсот отсюда. Может, больше.

— На пятьсот?! — голос у Максимки дал петуха.

— Ну а ты думал? — Тимоха пожал плечами. — Свистнули, вот и приехали.

Максимка сел прямо на траву. Ноги как-то сами подкосились. Он посмотрел на свои кроссовки — синие, с белыми полосками, — и на ковыль вокруг. Одно с другим не вязалось совершенно.

— А это что за река? — спросил он, чтобы хоть что-нибудь спросить.

— Дон, — сказал Тимоха. — Матушка.

— Дон? Настоящий?

— Ага. Тот самый.

Максимка снова посмотрел на воду и вдруг понял, что это точно тот самый Дон — потому что бабушка всегда говорила про него «Дон-батюшка», и вот он, настоящий, широкий и медный, и на нём сидят...

— Тимоха, — прошептал Максимка. — Смотри.

Чуть ниже по берегу горел костёр. У костра сидели люди. Немного — человек десять. Оборванные, загорелые до черноты, кто в чём: один в драной свитке, второй в татарском халате, третий вообще в рубахе, перетянутой верёвкой. Один, седой и кряжистый, чинил сеть. Другой точил на камне длинный нож. Третий спал, укрывшись тулупом.

Максимка хотел было выйти к ним — познакомиться, спросить дорогу, — но Тимоха его придержал.

— Тихо. Сначала послушай.

И Максимка прислушался.

— ...а я тебе говорю, Игнат, — гудел один, лысый, с серьгой в ухе. — Князь-то наш снова подать накинул. За то, что мы тут живём, ему плати. За то, что не умерли, ему плати!

— Так чего ж ты уехал-то? — спросил тот, что точил нож.

— А чего мне на месте сидеть? — лысый сплюнул в костёр. — Боярину кланяйся, князю кланяйся, хану кланяйся. Тьфу. Я никому кланяться не хочу.

— И я не хочу, — вздохнул кто-то из темноты.

— И я, — сказал третий.

Все помолчали. Костёр трещал.

И тогда заговорил седой, тот, что чинил сеть. Голос у него был негромкий, но как будто из-под земли — все сразу повернулись к нему.

— Вот и выходит, братцы, — сказал он, не отрываясь от сети, — что собрались мы тут все разные. Кто из Рязани, кто из Новгорода, кто от Литвы бежал, кто от самого хана ушёл. И ни один из нас не хочет больше никому кланяться.

— Верно, — сказали у костра.

— И стало быть, — седой поднял глаза, — надо нам теперь решить, как жить будем. Не по-княжески, не по-хански — а по-своему.

— Вольно! — сказал лысый и стукнул кулаком по колену.

— Вольно, — повторили вокруг.

— Вот, — тихо сказал Тимоха Максимке. — Слышал? Вот так и началось.

— Что началось? — не понял Максимка.

— Казаки, — Тимоха смотрел на костёр так же внимательно, как и Максимка. — Наши. Первые. Видишь — они все из разных земель. Татарин, рязанец, ещё кто-то. Но раз воля у них одна, то и народ один.

— А почему они ушли? — спросил Максимка.

— А ты бы остался, если бы тебе сказали — кланяйся, шапку снимай, подать неси, а захотят — тебя самого в полон возьмут?

Максимка подумал.

— Нет.

— Ну вот и они не остались.

Максимка смотрел на костёр и вдруг понял: он всё время представлял казаков как воинов — с шашками, конями, в папах. Вот как прадед на фотографии. А тут были обычные мужики. Оборванные, усталые, у некоторых ноги босые. Но когда седой сказал «по-своему», все вокруг как будто выпрямились.

— А почему их «казаки» называют? — вспомнил Максимка.

— Слово такое, старинное, — ответил Тимоха. — У татар так называли того, кто один, сам по себе, никому не подчинён. Вольный человек. Вот и переняли. Сперва это было вроде как «бездомный», а потом — как знамя.

— Как знамя, — повторил Максимка шёпотом.

С севера донеслось глухое, далёкое: тудум... тудум... Максимка вскинул голову.

— Это что?

— Конница, — Тимоха встал. — Ногайцы. Едут за ясырем — людей брать в рабство. Дед говорит, так почти каждый день бывало.

— Они к нам?! — Максимка вскочил.

— Тише ты, — Тимоха снова ухватил его за руку. — Мы смотреть пришли, а не воевать. Смотри, что наши делать будут.

У костра в одно мгновение всё переменялось. Лысый сдёргнул с плеча топор, седой аккуратно свернул сеть и сунул

её за пояс, тот, что точил нож, уже держал нож в руке. Никто не кричал, никто не командовал. Просто все встали — и стали плечом к плечу.

— Вот, — сказал Тимоха. — Запомни, Максимка. Здесь родилось главное правило. Один — не воин. Казак — только вместе с товарищами.

— Товарищами, — эхом повторил Максимка и вдруг понял, что ему совсем не страшно. Ему — хорошо.

Он смотрел, как казаки становятся в круг спинами друг к другу, и в его голове всё укладывалось: воля, товарищество, Дон. Пазлы, которых раньше не было, вставляли на место.

— Тимоха, — сказал он.

— А?

— А они победят?

Тимоха улыбнулся — хитрой той самой улыбкой.

— А сам как думаешь?

Глава 3. Конь, шашка и товарищ

На этот раз Максимку даже не зашатало. Он уже знал, что делать: вцепился в Тимохину рубаху, зажмурился — и че-

рез секунду почувствовал под ногами не ковыль, а твёрдую утоптанную землю.

Они стояли посреди казачьего городка.

Максимка открыл глаза и задохнулся. Вокруг — низкие бревенчатые дома, крытые камышом, с маленькими окнами без стёкол, затянутыми чем-то мутным. Между домами — широкий двор, посыпанный песком. Над самым большим домом торчал шест с пучком конского волоса и привязанной к нему тряпицей. А ещё через двор, растянувшись в длинную цепь, шли кони. Много. В поводу. Их вели казаки — молодые, чубатые, в рубахах навыпуск.

— Тимоха! — выдохнул Максимка. — Кони!

— Ага.

— Настоящие.

— А ты думал — игрушечные?

Максимка хотел побежать, но Тимоха удержал:

— Тихо ты. Сначала глянь, как они с ними разговаривают.

Максимка присмотрелся. Казаки подходили к коням не как к животным, а как к людям. Один гладил своего по морде и что-то шептал на ухо. Другой просто стоял рядом, положив ладонь на шею, и ждал — и конь сам опустил голову. Третий, совсем молодой, лет пятнадцати, подвёл кобылу к бочке с водой, а сам присел рядом и ждал, пока она напьётся.

— У него вон какой конь, — тихо сказал Тимоха, кивая на высокого казака. — Видишь? Как он на него смотрит?

— Как будто это брат, — сказал Максимка.

— Верно. Потому что для казака конь — и брат, и товарищ, и дом. Без коня он никто. Не доедешь в дозор, не уйдёшь от погони, не догонишь врага. Вот и учат казачонка с самого детства — сначала за конём ходить, потом на коня садиться.

— А с какого возраста садятся? — поинтересовался Максимка.

— Кто с пяти, кто с шести. Сперва на отцовского. Подержится за гриву, прокатится шагов десять — и доволен.

Максимка прикинул в уме: ему девять — значит, он уже давно должен был бы ездить верхом. Он посмотрел на свои кроссовки и вздохнул. В кроссовках на коня не сядешь.

Из-за ближней избы донёсся звонкий голос:

— А ну, пошёл!

Максимка оглянулся.

На майдане — так называлось большое открытое место посреди городка — стояли рядами мальчишки. Все — чубатые, босые, в длинных рубахах под поясок. Перед ними, руки в боки, ходил старый казак с седым чубом и хворостиной.

— Ещё раз, — говорил он. — Ноги — как я учил?

Мальчишки расставили ноги.

— Так. Спина?

Выпрямились.

— Товарищ твой где?

Мальчишки переглянулись.

— Слева! — рявкнул старик.

— Слева! — хором ответили мальчишки и быстро повернулись налево, где оказались плечо к плечу.

— Молодцы, — старик одобрительно кивнул. — Теперь за шашки.

Максимка ахнул. Настоящие деревянные шашки — длинные, гладко выструганные планочки с рукоятками — лежали у мальчишек в руках. И вот они их подняли, все сразу, и начали делать движения: сверху вниз, потом назад, потом круги. Одно, другое, третье.

— Это что? — прошептал Максимка.

— Рубка, — сказал Тимоха. — Сперва на деревянных.

— А зачем?

— А ты как хотел? Придёт враг — некогда учиться. Пока маленький, пока рядом старшие, пока шашка деревянная — вот тогда и учись. Вырастет — возьмёт настоящую.

Максимка смотрел, как мальчишки в ряд делают отмашки, и вдруг ему стало обидно. Он-то в Москве какие уроки делает? Математику да английский.

— Тимоха.

— А?

— Я тоже хочу.

Тимоха посмотрел на него — на кроссовки, на джинсы, на красную футболку с надписью «SUPER» — и вдруг рассмеялся.

— Ну пошли.

Он подвёл Максимку к самому краю майдана. Старик как

раз отвернулся, отчитывая одну из мальчишек за нерадивость, и Тимоха быстро снял с забора деревянную шашку и вложил её Максимке в руку.

— Стой ровно, ноги вот так. Левую чуть вперёд. Руку не задирай — тяни от плеча. Раз!

Максимка взмахнул. Деревяшка свистнула в воздухе.

— Раз! — ещё раз.

И тут старик обернулся.

— А это что за чудо? — сказал он, глядя прямо на Максимку.

Максимка замер. Деревянная шашка так и осталась у него в руке.

— Ты откуда такой?

— Я... — Максимка не знал, что сказать.

— Из Москвы, — вдруг спокойно ответил Тимоха.

Старик вытаращил глаза.

— Из Москвы? — переспросил он. — Из Белокаменной, что ли?

— Оттуда, — Тимоха кивнул с самым невинным видом.

Старик посмотрел на Максимку внимательно. На красную футболку — козырьком глаза, на джинсы, на кроссовки с белыми полосками.

— Ишь ты, — протянул он. — Из Москвы. И рубаху какую-то справную нацепил. Чужую.

Мальчишки замерли.

Максимка на всякий случай убрал шашку за спину.

— Ну-ка, — сказал старик вдруг. — Становись в строй, коли казак. Посмотрим, что ты умеешь.

Максимка хотел посмотреть на Тимоху — дескать, чего делать-то? — но Тимохи рядом уже не было. Тимоха сидел на заборе, болтал ногами и делал вид, что знать его не знает.

Максимка остался один. Стоял посреди майдана, в кроссовках, с деревянной шашкой, и смотрел на двадцать казачьих мальчишек, которые смотрели на него.

— Ну? — сказал старик.

Максимка глубоко вздохнул.

— Раз, — сказал он и взмахнул шашкой.

Мальчишки замерли. Старик поджал губы.

— Раз! — ещё раз, сильнее.

— Раз! — третий, самый сильный.

— Хм, — сказал старик. — Локоть выше держи, соколик.

И дыши носом.

Максимка от неожиданности чуть не выронил шашку.

— Садись в конец ряда, — старик махнул рукой. — Погляжу, как у тебя с товарищем слева будет.

Максимка встал в строй. Слева от него оказался веснушчатый мальчишка с ободранной коленкой и щербатым зубом. Он покосился на Максимку и шепнул:

— Ты, правда, из Москвы?

— Ага, — шепнул Максимка.

— Это далеко?

— Очень.

— На коне доберёшься?

— Не знаю.

— Здорово, — мальчишка восхищённо вздохнул. — А кашу там едят?

— Едят.

— Тогда, может, и не худо у вас, — мальчишка кивнул как взрослый. — Давай рубку. Только не отставай.

Максимка выпрямил спину, взял шашку крепче и приготовился.

— Раз! — скомандовал старик.

Двадцать один деревянный клинок взлетел в воздух — и один среди них был Максимкин.

Он старался изо всех сил. Может, и не так складно, как сосед справа, зато от всей души. Он рубил сверху и снизу, разворачивался, ставил левую ногу вперёд, дышал носом. И когда старик сказал:

— Добре. Сойдёт. — Максимка почувствовал себя так, будто получил пять по физкультуре.

А когда старик отошёл к другим, Тимоха тихо соскользнул с забора и оказался рядом.

— Ну ты дал, — сказал он, посмеиваясь. — В кроссовках-то и рубку. В Москве такому, поди, не учат?

— Не учат, — честно ответил Максимка.

— Видал?

— Видал.

Они стояли рядом. Максимка смотрел на мальчишек, что

всё ещё топтались у майдана, на казаков, что водили коней, на низкие избы, на ковыль за околицей, и в груди у него было щекотно — то ли от гордости, то ли от того, что он вот прямо тут, посреди настоящего казачьего городка.

— Тимоха, — позвал он тихо.

— Ну?

— А шашку настоящую я тоже когда-нибудь возьму?

Тимоха глянул на него искоса, потом улыбнулся своей хитрой улыбкой и мотнул чубом.

— Дойдём — увидишь. Тут делов на целую историю.

Он вытащил из кармана дудочку.

— Ну что, дальше?

— Дальше, — кивнул Максимка.

И они исчезли раньше, чем шербатый сосед успел обернуться и спросить, куда это московский мальчишка запропастился.

Глава 4. Ермак и Сибирь

На этот раз Максимка даже успел заметить, как всё меняется. Сначала ковыль — потом туман — потом холод. Рез-

кий, сырой, осенний холод. Максимка поёжился.

— Тимоха, тут что, зима?

— Почти. Осень.

— А я в футболке.

— Ну так ты ж не собирался, — резонно заметил Тимоха.

— На вот.

Он скинул с себя кафтан — короткий, стёганный, с потёртыми рукавами — и накинул Максимке на плечи. Кафтан был тёплый и пах дымом и лошадыю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.